

Чикалова И.Р. Гендерная идеология белорусского государства: от концепта равных прав к концепту равных возможностей // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: Сборник материалов Пятой международной научной конференции. 31 октября – 1 ноября 2013 г. – Новополоцк: ПГУ, 2013. – С. 6–10.

И.Р. Чикалова

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ КОНЦЕПТА РАВНЫХ ПРАВ К КОНЦЕПТУ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Просматривая изданные в нашей стране учебные пособия по идеологии белорусского государства, я обнаружила то общее, что их объединяет: ни одно из них не слова не говорит о том, что из себя представляет государственная идеология в отношении полов, и имеется ли она вообще в нашей республике. А ведь, замечу, государство на макро-уровне участвует в воспроизводстве, трансформации или даже в подрыве устоявшихся гендерных отношений и гендерных иерархий в обществе. В свою очередь, идеология и политика в отношении полов, сексуальности и репродукции является составной частью государственной социальной политики, которая затрагивает интересы женщин и мужчин как крупных социально-демографических групп, формирует их правовой и социальный статус, регламентирует взаимоотношения с обществом.

Любое государство, в том числе белорусское, не может остаться в стороне от выработки стратегий в сфере гендерной идеологии, что выражается как в регламентирующей законодательной деятельности, так и в области официальной риторики. В своем тексте я исхожу из того, что, во-первых, практический опыт выработки стратегий современной Беларуси неотъемлемо связан с предшествующим периодом жизни БССР в составе СССР, а, во-вторых, из того факта, что основы идеологии в области гендерных отношений закладываются прежде всего основным Законом страны – ее Конституцией. Поэтому вначале обратимся к прошлому, к трем конституциям БССР (1927, 1937, 1978 гг.), а затем к новым тенденциям, наметившимся в последнее двадцатилетие после принятия Конституции независимой Беларуси (1994 г.).

Начнем с Конституции БССР 1927 г. Она, с одной стороны, уравнивала в правах всех добывающих средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, т.е. *работающих* женщин и мужчин, объявив об их политическом равноправии, а, с другой, – в категорию «равноправных» включала лиц, *занятых домашним хозяйством, обеспечивающих для работающих вне дома возможность производительного труда*. Тем самым, не указывая прямо на женщин, но, естественно, подразумевая именно их, она фиксировала сложившееся разделение труда по гендерному признаку и признавала домашний обслуживающий труд в качестве критерия женской «полезности» для общества. Ни о каких льготах и привилегиях для работающих женщин в Конституции не упоминалось: в преимущественно аграрном обществе их было просто ничтожно мало.

К моменту выработки очередной Конституции предполагалось, что все взрослое население страны занято производительным или общественно-полезным трудом. С 1928 г. началась массовая коллективизация мелких крестьянских хозяйств в крупные кооперативные производства. Так сельская женщина была инкорпорирована в производительный труд в колхозном производстве. Развернувшаяся в годы первой пятилетки (1929–1933) форсированная индустриализация сделала дефицитной мужскую рабочую силу. Уже первый пятилетний план был ориентирован на максимальное использование женских рабочих кадров, и поэтому доля работниц в составе промышленных рабочих росла быстрыми темпами. Конституция БССР 1937 г. вслед за союзной Конституцией 1936 г. в контексте избирательных прав уже не упоминала о лицах, занятых домашним обслуживающим трудом, и закрепляла равноправие полов без всяких оговорок. В то же время разработчики Конституции исходили из факта двойной занятости женщин, а, говоря языком современных гендерных исследований, – оформившегося к этому времени «гендерного контракта работающей матери»: женщина трудится за пределами дома и продолжает нести всю тяжесть забот, связанных с родительством, уходом и обслуживанием семьи. Поэтому Конституция гарантировала женщине «равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни и «возможность осуществления этих прав» «предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов». Таким образом, под концептом *равенство* в Конституции подразумевается прежде всего *равенство прав* мужчин и женщин, но последние наделяются и дополнительными специальными правами, в логике эссенциализма вытекающими из специфики природы самой женщины, столь отличной от мужской, т.н. ее «биологического предназначения».

В период между принятием Конституции СССР т. н. победившего социализма 1936 г. и Конституцией развитого социализма 1977 г. международное сообщество приняло ряд конвенций в защиту прав женщин, ратифицированных БССР, в частности, «О политических правах женщин», «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности», «О дискриминации в области труда и занятий», обязывавшую государство проводить политику *равенства возможностей* в области трудовых отношений. Вступили в силу Международные пакты «Об экономических, социальных и культурных правах» и «О гражданских и политических правах».

Первый из них гарантировал женщинам права на труд («не хуже тех, которыми пользуются мужчины») и перечислял меры по охране и поддержке материнства и детства. Второй закреплял равную защиту со стороны закона без дискриминации по признаку пола.

Конституция БССР 1978 г. вслед за новой союзной конституцией учла требования международных документов, она преемственно сохраняла принцип равноправия полов («Женщина и мужчина имеют в Белорусской ССР равные права»), но делала шаг вперед: концепт «равенство» в ней толкуется несколько шире – не только как равенство прав мужчин и женщин, но и как равенство *возможностей* их реализации: «Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами *возможностей* в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности». В то же время она продолжала разделять эссенциалистский взгляд на *естественную природу* женщины – обеспечивать уход и обслуживание семей, в связи с чем она еще более расширяла привилегии женщинам, гарантировав им специальные меры «по охране труда и здоровья», создание условий, позволяющих «сочетать труд с материнством», правовую защиту, материальную и моральную поддержку «материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей». Как видим, из конституционного дискурса полностью исключался концепт *отцовство*, а в отношении женщин включался принцип *позитивной дискриминации*. Таким образом, если конституция 1937 г. закладывала основу либерально-патерналистской идеологии и политики в отношении работающей за пределами дома женщины, то конституция 1978 г. становилась ее развернутым воплощением.

К моменту разработки новой Конституции, уже независимой Беларуси, международное сообщество окончательно стало понимать концепт «равенство» как равенство *возможностей* реализации прав мужчин и женщин. Это было полностью учтено ее разработчиками. Так, Конституция 1994 г. гарантировала женщинам предоставление равных с мужчинами *возможностей* в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности (ст.32, ч.5), тем самым отразив в своем тексте современное видение концепта «равенство» полов. Правда, язык ее текста в ряде случаев андроцентричен: использование выражения «женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей ...» подчеркивает факт признания со стороны государства мужчины в качестве «нормы» и необходимости подтягивать женщин до этой «нормы». Именно основной документ страны задает не только дискурсивную нормативность, но и является текстом, в течение жизни хоть раз обязательно прочитываемым ее гражданами. Тем самым лингвистические средства кодируют заданность властной социальной конструкции, в структурах которой женщины оказываются на ее периферии.

В то же время в отличие от советских конституций, полностью игнорировавших институт *отцовства*, впервые Конституция 1994 г. отказалась от редукции концепта *родительство* к *материнству*, поставив институт *отцовства* также под защиту государства («Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства»). На первый взгляд незначительный лингвистический «поворот» на практике обещает вылиться в важный социокультурный сдвиг. В условиях сохранения патронирующей роли государства женщина-мать в отдаленной перспективе более не только не рассматривается как обязательная (и вынужденная) клиентка социальных служб, но и правомочна делегировать часть обязанностей по уходу за детьми мужчине, что нашло отражение вслед за Конституцией в Трудовом кодексе (1999), который закрепил дополнительные гарантии для отцов, в том числе отпуск по уходу за ребенком до достижения им 3-х лет (ст. 271). Но традиции оказываются сильными: в 2012 г. в декретном отпуске находилось 254239 женщин и всего 3598 мужчин (1,4%). Вот, где открывается поле деятельности для государства по воспитанию ответственного отцовства и рекламы имеющихся возможностей для мужчин!

Принцип равенства полов последовательно проводят в жизнь «Кодекс о браке и семье», Гражданский и Трудовой кодексы, «Кодекс об образовании», законы «О занятости населения Республики Беларусь», «Об основах службы в государственном аппарате». В то же время гарантии, закрепленные в законодательных актах, реализуются на практике не в полной мере, по-прежнему существует разница между равенством *прав* и равенством *возможностей*. Как верно замечает отечественная исследовательница И.Соломатина, «законодательство, направленное на предотвращение дискриминации, учитывает далеко не все проблемы, связанные с дискриминацией как системным явлением, потому в настоящий момент не может в полной мере способствовать их устранению». Поэтому оно само нуждается в постоянной гендерной экспертизе и корректировке.

В последние годы благодаря активному развитию гендерных исследований и дискуссиям, *во-первых*, тема равенства женщин и мужчин перестала толковаться как тема тождественности их прав. Различия признаны существующими, но не являющимися следствием биологических различий между мужчинами и женщинами, а именно сохраняющимися благодаря социально предопределенным ролям каждого из полов. Под равенством отныне понимается равное положение, независимость, ответственность, всеобъемлющее участие во всех сферах общественной и частной жизни. *Во-вторых*, в отношении равноправия женщин сделан шаг вперед как в плане признания за женщинами не только всего комплекса прав, которые даются мужчинам, так и ряда особых, специфических прав, обусловленных репродуктивными функциями женщин. *В-третьих*, важным приобретением

последних лет стало включение в политический дискурс этического понятия справедливости (достижение равенства понимается как реализация принципа справедливости), а «позитивная борьба с существующими стереотипными с точки зрения пола ролями для того, чтобы добиться структурных изменений на всех уровнях и, в конечном счете, нового социального порядка» – как эффективный инструмент достижения этой справедливости. В-четвертых, стало очевидным, что именно государство и его органы способны содействовать (или напротив, противодействовать) программам гендерного равенства. Если государство и его органы выделяют финансовые средства и административные ресурсы, если проводятся мониторинги и делаются на их основе выводы, – задуманные идеи осуществляются значительно быстрее.

Примерами такой воли государства являются «Национальные планы по обеспечению гендерного равенства», с 1996 г. принимаемые Совмином республики. Ныне действующий «Национальный план» на 2011–2015 гг. выделяется. Среди его задач, как и в предыдущих планах, предусмотрено содействие достижению паритетного представительства мужчин и женщин на всех уровнях управления; внедрение гендерных знаний в систему образования, формирование в коллективном сознании представления о необходимости социального равенства мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья мужчин, женщин и подростков. В то же время, акцент в нем сделан на трансформацию общественного сознания, искоренение гендерных стереотипов, связанных с идеей превосходства и доминирования одного пола над другим. Особое внимание в нем уделено наряду с укреплением института семьи и семейно-брачных отношений, пропагандой ценностей брака и семьи, достижению равенства в семейных отношениях, в том числе *вовлечению мужчин в сферу домашнего труда и процесс воспитания детей*. А, ведь, общеизвестно, что отношения в обществе регламентируются определенными правилами – формальными и/или не формальными, которые создаются и воспроизводятся через определенные предписания: что считать социально желательной и приемлемой нормой, а что нет.

Таким образом, государство нацеливает и мужчин, и женщин на изменение традиционного взгляда на распределение гендерных ролей не только в публичной сфере, но и в частной. Это позволяет отметить появление нового вектора в социальной политике Беларуси – наметившийся переход к *гендерно-сбалансированному* типу государственной политики в отношении полов, основанном на убежденности в том, что принцип равного представительства, равных прав и возможностей женщин и мужчин должен пронизывать все аспекты социальной жизни, включая и семью. Речь идет не о проведении отдельных мероприятий по достижению равноправия полов, а в переходе к самым широким мерам, способным изменить повседневную жизнь женщин и мужчин, политическую и административную культуру. И мужчины, и женщины не только должны обладать равными правами и в общественной, и в приватной сфере, но в перспективе должны получить и целиком *равные возможности для их реализации*. Если тенденция сохранится, а, похоже, что да, то тогда в Беларуси окончательно оформятся условия для складывания социального (*гендерного*) *контракта равных статусов* в качестве базового условия для дальнейшего устойчивого развития общества.

По ходу ответа на центральный вопрос – какая же гендерная идеология скрывается за государственными реформами в современной Беларуси – обращу внимание на два момента. Во-первых, следует иметь в виду, что мы уже вступили в этап информационного общества, для которого характерно все большее развитие горизонтальных связей между его участниками, разные типы властных иерархий в нем (а иерархии в области гендерных отношений являются одной из их иллюстраций) видоизменяются и начинают играть все меньшее значение. Во-вторых, на наших глазах происходит смыкание между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами и заботами и социальными переменами. Проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве «приватных» женских, достаточно давно стали соревноваться между собой за приоритетное место в политическом дискурсе современных демократий. И Беларусь не стоит в стороне от этих процессов. В том числе и у нас в политическую повестку выдвинулись вопросы «частной жизни», наше государство вынуждено давать на них ответы и по их поводу вырабатывать идеологию, политику и стратегии. Это – домашнее насилие, проституция, теснейшим образом связанная с торговлей людьми, а также – контроль над собственным телом, другими словами, вопрос аборта и проблема репродуктивных технологий.

Можно сказать, сегодня мы имеем утверждение нового взгляда и на проблему насилия в семье, и на проблему проституции. И в том, и в другом случае произошел перенос «тяжести ответственности» за содеянное на истинного виновного. Наконец, государство признало, что «бьет – не значит любит», а совершает преступление. И хотя «Закон о противодействии домашнему насилию» так и не принят, сама тема приобрела совершенно иное звучание в последнее время, во многом под влиянием женских организаций, которые активно сотрудничают с государством в этом вопросе. Достаточно вспомнить ролик с участием актрисы Юлии Высоцкой со слоганом «И пусть ваши слезы будут только лука!», который недавно активно крутился по официальным каналам в рамках международной акции «16 активных действий против насилия в отношении женщин», объединившей общественные объединения, ООН и МВД. На предупреждение домашнего насилия направлен проект закона о внесении изменений в Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», которым предлагается открытие приютов для пострадавших силами местных властей.

То же в отношении проституции. В 1899 г. в Лондоне состоялся первый «Международный конгресс по вопросу о торговле женщинами». Его участники уже тогда фактически признали, что существует «сеть международной агентуры по соращению путем обмана и насилия молодых женщин». А известный российский юрист В.Ф. Дерюжинский отмечал в своем учебнике «Полицейское право» (1903), что торговля женщинами приняла размеры организованного промысла и существует в связи с отсутствием в действующих законодательствах мер преследования виновных. Спустя сто лет, наконец, государство стало признавать, что в существовании проституции как явления виноваты не только и не столько те, кто оказывает услуги, а те, кто стоит у ее организации. Происходит перемещение ответственности с женщины, которая более не рассматривается в качестве обязательно виновной, но, скорее, в качестве жертвы, на посредника, «работодателя» и «хозяина». Этот процесс развернулся с начала 2000-х гг., когда была принята Госпрограмма комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции, ратифицированы Конвенция против транснациональной организованной преступности и протоколы к ней. В 2005 г. принят Декрет Президента «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми», определивший само понятие «торговля людьми» и криминализировавший сопутствующие торговле действия. В Уголовном кодексе появились статьи «Торговля людьми», «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», «Нарушение равноправия граждан». Указ Президента «О предотвращении последствий торговли людьми» регламентирует понятие «жертва торговли людьми» и определяет меры, обеспечивающие безопасность пострадавших, их социальную защиту и реабилитацию, а также освобождение их от ответственности.

Но самая острая тема сегодня – это репродуктивные права и границы этих прав. Это – и право на аборт, и право на экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), и право на использование услуг суррогатного материнства. Это вопросы, которые имеют и экономическое, и социальное, и политическое, и этическое измерение. Но это и очень тонкие вопросы, по поводу которых государство по существу внедряется в женское тело. Среди них право на аборт и, соответственно, борьба против него имеет наибольшую историю. И здесь идеология нашего государства, несмотря на различные соглашения, которое оно через свои структуры заключает с церковью, остается либеральной, светской, *pro-choice*.

Идея репродуктивных прав поддерживается белорусским государством, причем уже сегодня диапазон поддержанных прав максимально широк. Тем не менее, в последние годы в Беларуси можно наблюдать наступление консервативных религиозных организаций: представители *pro-life* групп при поддержке церкви добиваются лишения женщины права на выбор. Не так давно они пытались провести изменения в Закон о здравоохранении. Речь шла о запрете аборт и ряда репродуктивных технологий (ЭКО, суррогатного материнства), поскольку «современные вспомогательные репродуктивные технологии не соответствуют нравственности и считаются неприемлемыми, как противоречащие семейным ценностям и традициям семьи – союза мужчины и женщины»¹. И официальная, и неофициальная риторика наполнена высказываниями в защиту традиционных ценностей (и в то же время совсем недавно был запрещен марш в защиту традиционных ценностей), аборт противопоставляется в качестве антипода материнству, «истинной женственности», семье, детям и даже существованию нации, спасти которую могут многодетные семьи. Тем не менее, прагматизм и здравая оценка в этих вопросах берет верх, магистральная линия государства остается прежней – принципиальное сохранение права на аборт и курс на расширение репродуктивных возможностей (последнее также актуально в свете поставленных демографических задач). Это означает, что отвечая на вопрос, «кому принадлежит власть над женским телом», государство заявляет – «только сама женщина имеет право им распоряжаться».

Наиболее свежими в современной общественной повестке темами стали ЭКО и суррогатное материнство. Хотя в Беларуси ЭКО проводится с 1995 г., конкретную регламентацию эта процедура, как и суррогатное материнство, получили в 2006 г. Тогда в «Кодексе о браке и семье» появилась статья, закрепляющая право на суррогатное материнство. Следующий шаг в этом направлении сделан в 2011 г. Несмотря на сопротивление со стороны православной и католической церковью, парламент принял «Закон о вспомогательных репродуктивных технологиях», и в январе 2012 г. он был подписан Президентом. Его опубликование вызвало волну откликов в Интернете как резко осуждающих, так и одобряющих узаконение новых репродуктивных технологий. Вот – характерный пример логики несогласных: «Неужели в нашей цивилизованной стране жизнь человека является настолько обесцененной? Неужели можно экспериментировать с самым святым – с жизнью ребенка? Этот закон – опасная бомба замедленного действия! Несмотря на отношение людей – духовные законы никто не в силах отменить»².

Безусловно, основным полем противостояния либеральной и консервативной идеологий в нашей стране в перспективе будет не проблема политического и иных форм участия мужчин и женщин в обществе и семье (полезность и необходимость соучастия их на паритетных началах в принципе более не оспаривается даже са-

¹ Резолюция о внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «О здравоохранении». Принята 30 октября 2012 г. [Электронный ресурс] // Белорусский Православный информационный портал [Режим доступа]:

http://sobor.by/page/Prinyata_rezolyutsiya_o_vnesenii_dopolneniy_i_izmeneniyrvn_Zakon_Respubliki_Belarus_O_zdravoochranenii

² Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: Комментарии [Электронный ресурс] // Народная газета [Режим доступа]: http://www.ng.by/ru/issues?art_id=62957

мыми традиционалистскими кругами), а широкая идея *репродуктивных прав* и *репродуктивных технологий*, которая более не будет связываться исключительно с т.н. «женским вопросом», но станет разделительной полосой между консервативным и либеральным лагерями нашего общества. Личное, действительно, является политическим!

Репозиторий БГПУ